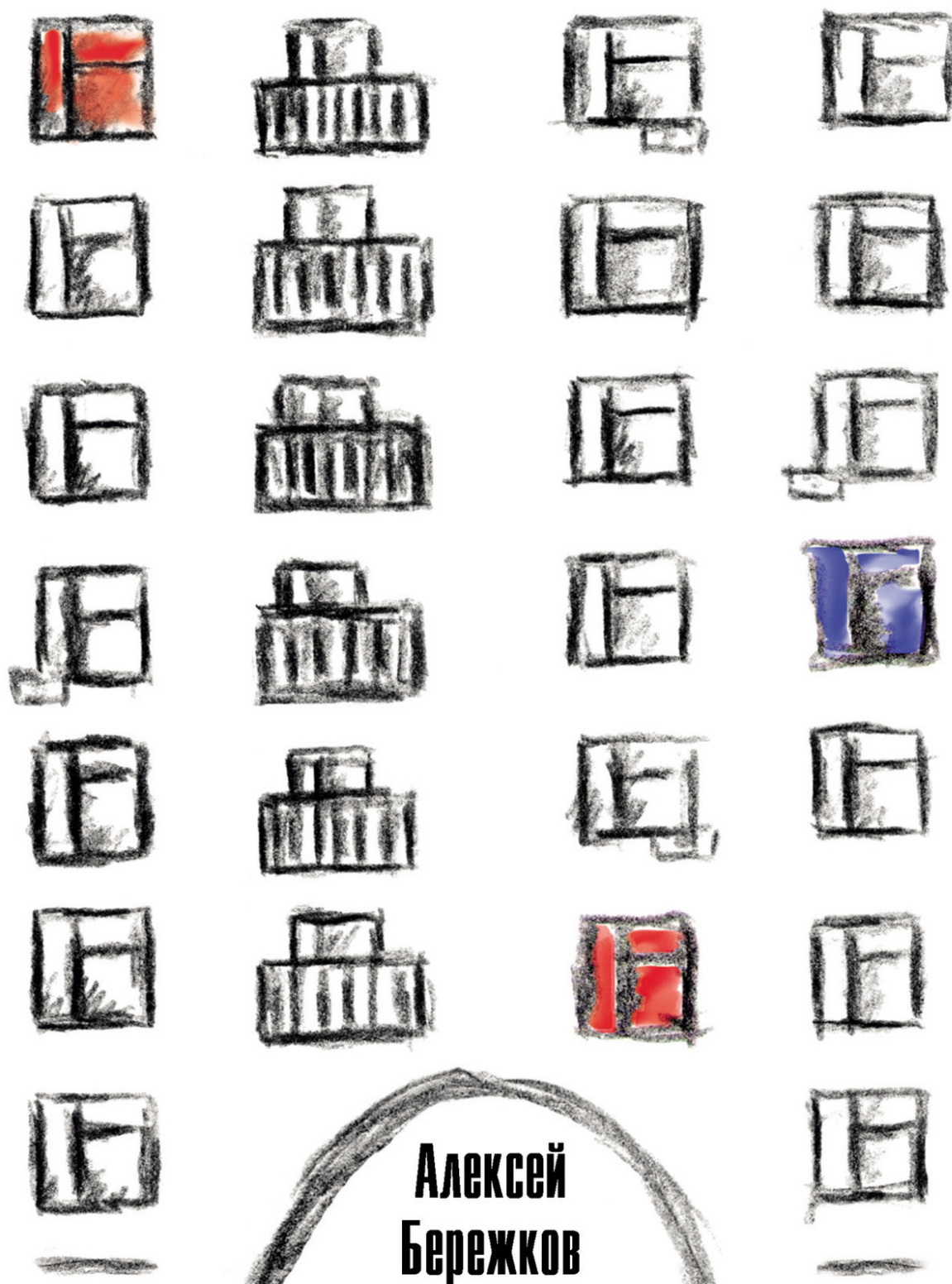

МОЙ НЕМОЙ АФГАН

Алексей
Березков

Алексей Бережков
Мой немой Афган

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Бережков А. И.

Мой немой Афган / А. И. Бережков — «У Никитских ворот»,
2019

ISBN 978-5-00095-912-1

«Мой немой Афган» – роман-приключение, исповедь русского офицера о судьбах родины, матерях, женах, чиновниках, бандитах, о многонациональной планете, локальных и глобальных военных и личных конфликтах. Книга не только войне, это о себе, о каждом. Чтобы, прочитав про немой Афган, решиться на искренность, для начала – с самим собой.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-912-1

© Бережков А. И., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Бережков

Мой немой Афган

*Моим самым дорогим и любимым женщинам: маме, жене, дочери
и внучкам – посвящается*

Предисловие

Эти записи были начаты пятнадцать лет назад, незадолго до юбилея отряда специального назначения «Каскад-3» и подготовки книги по этому случаю. Накануне встречи с журналистом я собрал фотографии и все записи, памятки, письма и другие документы афганского периода службы. Чтобы быть более подготовленным к беседе, решил освежить свою память и на основании сохранившихся заметок в дневнике записал несколько эпизодов. Невольно пришлось вспомнить, как и с чего для меня начинался Афганистан. Так появились первые главы уже моей будущей книги. Название взялось само собой, когда, размышляя о судьбе и истории этой многострадальной страны, понял, что ее особенно никто и никогда не спрашивал, захватывая земли и пытаясь поработить народ. Пять лет назад беседы с очередным журналистом инициировали продолжение и моих воспоминаний. Теперь и мне самому хотелось рассказать о том, чего не всегда касался в своих рассказах о войне. Уверен, что для семьи и друзей некоторые эпизоды моей службы «за речкой» будут и интересны, и неожиданны. Получилось, что первые главы я писал четырнадцать лет, а последующие тридцать – меньше года.

До настоящего времени я не могу решить, как оформить написанное. Скептически относясь к своим творческим способностям, вижу эти заметки и в единственном экземпляре для семьи, и в десятке – для друзей. Не скрою, мне хочется, чтобы с ними ознакомились и оценили, пусть и критически, и другие читатели, кого интересует история афганской войны. Не всегда эти записи были в том виде, как они представлены сейчас. В первом варианте указывались должности, имена и фамилии. Встречаясь со своими боевыми друзьями-сослуживцами, я понял, что некоторые события почти сорокалетней давности в нашей памяти воспроизводятся если не по-разному, то в разной интерпретации: бывают несовпадения по датам, действующим лицам и отношению к ним. Чтобы не обидеть участников тех событий возможными неточностями, необъективностью изложения некоторых эпизодов, этот вариант записей представлен именно так, без имен и фамилий. Исключением стала только глава о моих погибших и ушедших боевых Друзьях. Память о них, потребность рассказать о годах, проведенных вместе и подаривших настоящую мужскую дружбу на всю оставшуюся жизнь, – все это тоже послужило стимулом для создания моей книги.

Глава 1

Первая попытка

Для меня, командира роты, Афганистан начался 2 января 1980 года, через пять дней после штурма дворца Амина и официального начала ввода войск в республику. В 17 часов меня вызвал командир полка и довел до сведения распоряжение командующего войсками СКВО: до 10 января подготовить и поэтапно, по специальностям, отправить роту в учебный центр под Ростовом-на-Дону, а затем в Демократическую Республику Афганистан (ДРА).

Первыми уходили водители и снайперы, затем другие специалисты, командиры взводов, старшина и я – командир роты. Чем мы будем заниматься в ДРА, никто не осознавал. Информации было мало, или она вообще отсутствовала.

Накануне, с 31 на 1 января, встречали новый, 1980 год офицерским коллективом, с женами, в гарнизонном Доме офицеров. После традиционных тостов неожиданно встал командир полка и предложил поднять бокалы за меня, как он сказал, «за лучшего командира роты, легенду и славу нашего полка». Я, честно говоря, растерялся, поскольку отношения у нас с ним особой теплотой не отличались и я даже подозревал, что он меня недолюбливает; во всяком случае, такие хвалебные слова я услышал впервые за четыре года. На празднике я был с супругой, которую коллективу показал впервые, так как женился года полтора назад и у нас только что, в октябре, родилась дочка. Офицеры под тост встали и прокричали трехкратное «ура». Я был удивлен, а жена польщена и тоже удивлена таким хорошим отношением ко мне; про службу я ей много не рассказывал – не успевал (приходил поздно, а к 6.30 уходил на утренний подъем). Потом на различных встречах, праздниках и юбилеях супруга с удовольствием рассказывала родственникам и друзьям, каким почетом и уважением я пользуюсь в полку. Меня все это только настораживало, помнил Тютчева: «хвалу и клевету приемли равнодушно», но повседневная суета службы заставила этот случай подзабыть, а удивление осталось – в моей службе все было не так уж и безоблачно.

Все выяснилось через шесть лет. Я учился в Москве в военной академии и вечером на остановке случайно лицом к лицу столкнулся с бывшим командиром полка. Он полковник, я майор, обнялись, удивленно глядя друг на друга, настолько встреча была неожиданной. В Москве он был в командировке от МЧС, я пригласил его к себе домой, посидеть за рюмкой чая, он предложил посидеть в кафе рядом с метро. Поговорили о событиях прошедших лет, кстати, после того Нового года он ушел на повышение, на должность заместителя командира дивизии. Я вспомнил тот его тост и не постеснялся спросить, чем были вызваны такие хвалебные слова. Вот тогда он рассказал мне, что 30 декабря ему почти одновременно из штаба округа сообщили о его повышении и об уходе моей роты в Афганистан. Своим выдвижением, в том числе и за хорошие показатели по боевой подготовке, он в немалой степени был обязан и мне, и, как сказала его жена: «Нам на дивизию, а ротного – под пули на смерть». Вот эти все ассоциации и вызвали тот не совсем заслуженный и помпезный тост на Новый год. Кстати, офицеры-сослуживцы это не забыли и иногда шутя называли меня «наша легенда».

Рота, которой я командовал, была экспериментальной, одного призыва – ноябрь 1978 года. Сержанты за полгода закончили учебное подразделение, солдаты полгода служили в различных частях СКВО. В сухопутных войсках, скорее всего, по предложению ГлавПУРа, реализовалась идея создания подразделений одного призыва. Этим предполагалось свести до минимума дедовщину в войсках. В общем, в начале мая 1979 года я сформировал роту из сержантов, пришедших из «учебки», и солдат из разных подразделений и частей. Естественно, командиры, узнавшие за полгода солдат, передавали не самых лучших по воинской дисциплине и боевой подготовке. Для того чтобы создать коллектив и хорошо подготовить роту, а также устранить

все «издержки» эксперимента, пришлось работать круглосуточно. Ни я, ни офицеры роты с мая по ноябрь не имели ни одного выходного.

Приходилось составлять графики дежурств и ночевки в казарме, чтобы ни на одну минуту не оставлять любимый личный состав без контроля, так как сержанты были морально слабее солдат, и те, создав группировки, пытались стать как бы младшими командирами. В казарме шла нешуточная борьба за власть.

Боевую подготовку я проводил по своей системе, получившей в округе название «полоса Б». Она заключалась в том, чтобы к огневому рубежу смена стрелявших подходила уже изрядно уставшая и измученная нормативами, переползаниями и имитацией боя со взрывпакетами, стрельбой холостыми патронами и так далее. В этом ничего нового не было, главная трудность – добиться разрешения на изменение системы подготовки, разумеется, в пределах уставов, наставлений и соблюдения мер безопасности.

Особенно настораживал и пугал вышестоящих командиров тот факт, что первые три недели оценки по огневой подготовке были очень низкие, двойки да тройки. Однако в итоге солдаты привыкли к высоким физическим нагрузкам перед самым этапом боевой стрельбы, и оценки постепенно становились выше и стабильнее. На годовой проверке в ноябре стрельба велась, естественно, без прохождения «полосы», и результат был отличным, а в общем рота сдала боевую подготовку на твердую, хорошую, без натяжек, оценку. С дисциплиной в конечном итоге все тоже встало на свои места, каждый выполнял свои обязанности по штатной должности, а не из личного желания лидерства. Я с волнением вспоминаю те нелегкие, но очень интересные дни, когда все время отдавалось службе, создавался коллектив и были видны результаты нашего совместного труда.

Почему я так подробно вспоминаю то время? Потому что Афганистан меня коснулся и прошелся по моей судьбе именно тогда. Рота ушла в Афган, и ушла без своего командира. Командование округа решило, что я обязан остаться и сформировать новую роту и продолжать службу в СКВО. Так я расплатился честью и авторитетом офицера и командира за бессонные ночи, новаторство и любовь к военной профессии. Я понимал подоплеку этого решения: зачем назначать и готовить нового офицера, если есть уже прошедший эту школу опытный командир, умеющий готовить коллектив к проверкам и сдающий их на «хорошо» и «отлично», знающий проверяющих из округа, дивизии, их требования и особенности подхода к проверке по каждой дисциплине боевой подготовки. А в дальнейшем я столкнулся с этой же проблемой при назначении на вышестоящую должность. Все те же выводы: зачем рисковать, экспериментировать, если можно «из этого» вытянуть сколько возможно, пусть пашет... К сожалению, такая кадровая система существовала, как и назначение на должность по блату, родству или знакомству. Многим хорошим офицерам это сломало военную судьбу. Позже, став начальником штаба бригады, командиром полка, я старался ни в коем случае не задерживать карьерный рост достойных офицеров или их направление на учебу в академии. Как итог такого отношения, встречаясь с однополчанами на юбилеях полка и дивизии, с удовольствием узнавал в полковниках и генералах бывших лейтенантов, а самой большой благодарностью считал то, что в моем полковом офицерском коллективе никто в жизни не потерялся и себя не потерял.

Возвращаясь к первым месяцам Афганистана: только позже я узнал, как в первые дни шел отбор офицеров и прапорщиков. Не могу утверждать, что это была кадровая система отбора, но многие начальники использовали возможность избавиться от неудобных, а часто просто неудобных командиров. Тем не менее подготовка этих офицеров была хорошей, они были первыми и, к их чести, смогли сделать в Афганистане почти невозможное: встали гарнизонами, организовали жизнедеятельность и самое главное – до апреля 1981 года не допускали регулярных боевых столкновений. Моя рота ушла в Герат, оттуда приходили письма, говорили, что якобы через полгода погиб командир роты, думаю, что мои солдаты меня осуждали, что я не смог отправиться вместе с ними. Кому объяснять, что я как мог добивался от коман-

дования справедливости, даже успел с друзьями-однополчанами обмыть отъезд и с родными попрощаться, но все было тщетно. Все мои хождения по инстанциям, просьбы, мольбы, угрозы вообще уволиться ни к чему не привели. Жизнь пошла своим чередом, но боль осталась на всю жизнь. Одно успокаивало и давало повод даже гордиться – по сведениям из писем, из роты на Родину живыми вернулись все, во всяком случае, в это очень хотелось верить и убеждать себя, что бессонные ночи подготовки к очередной стрельбе, жесткая последовательность в обучении на войне дали свои результаты.

Первая попытка Афганистана закончилась. Но я был уверен, что все равно там буду и быть там обязан, чтобы и себя не потерять, и доказать ушедшей роте, что командир не сдрейфил, а вынужденно, временно отступил.

Афганистан с каждым днем все больше входил в жизнь страны, хотя сведения, как потом выяснилось, были очень лживыми: то шли какие-то совместные учения, то оказывалась помощь народному хозяйству в сборе хлопка или ремонте техники.

Глава 2

Ветер Афгана

В мае 1980 года у меня был отпуск. Встретился с другом-однокашником по военному училищу Он, прослужив год в Афганистане, получив два пулевых ранения в руку, после госпиталя тоже был в отпуске. В его рассказах об Афганистане было такое, что совершенно не укладывалось в привычные рамки мирной жизни. Много было настолько нереально и, как мне казалось, не могло быть в принципе, что я скептически воспринял всю информацию, но вида не показал, чтобы не обидеть товарища.

Во время встречи меня не очень поразил вид шрамов на руке, а скорее глаза, что-то видевшие в момент рассказа, что мне увидеть было не дано, и состояние друга; он был и здесь, и где-то там, где ему служить еще не меньше года. В ноябре состоялась еще одна встреча с сослуживцем, приехавшим в отпуск. И хотя служили они с моим раненым другом в различных частях, да и занимали разные должности, один – офицер, другой был прапорщиком, их роднил тот же взгляд в себя и состояние «отсутствия присутствия» – так я потом стал называть состояние «афганца», пытающегося рассказать что-то о службе мирному населению.

Служба в полку проходила по заведенному распорядку, приходили молодые солдаты, увольнялись в запас прослужившие два года. Стрельбы, вождение, тактические учения, наряды, нервы, взыскания, поощрения. В срок получил капитана, дочке исполнился год, выдался один выходной, смог побыть дома до обеда, не выдержал и убежал в роту.

Осеннюю проверку рота сдала на «отлично», и меня вызвали в штаб СКВО в Ростов-на-Дону для вручения награды: знак ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть». Отнесся скептически, все-таки не госнаграда, но когда такой же вручили саперу за разминирование и летчику за испытательные полеты, статус сам собой поднялся, к тому же вручал знаки легендарный маршал Москаленко.

В перерыве в коридоре штаба округа среди других увидел и свою фотографию, набрался наглости, подошел и обратился к командующему войсками округа, он меня еще раз поздравил и, приобняв, спросил: «Какие проблемы, рассказывай». Я коротко объяснил ситуацию, свое состояние и попросил направить меня служить в Афганистан. Он выслушал, помолчал и сказал: «Ну хорошо, не обещаю, но разберусь».

Приехав в полк, доложил командиру о разговоре и написал очередной рапорт. В середине ноября из Герата вышла по замене моя рота. Многие разъехались по домам, но трое солдат приехали к нам в полк. Встреча была очень трогательной, ребята никак не могли поверить, что они уже в Союзе и война для них закончилась. Проговорили в моей канцелярии с вечера и до утра следующего дня, и я проводил их на вокзал. Ночной разговор был обо всем – они рассказывали, что видели и чувствовали за почти год войны. Я отметил про себя, что они очень повзрослели, и не на календарный год, а на часть жизни. Из их рассказов про войну я понял, что это был взгляд солдат, достаточно субъективный, как у акына: «что вижу, то и пою». Глубокого анализа обстановки они и не могли дать в силу своей малой информированности и выполнения сугубо узких боевых задач. Но главное, повторяю, самое главное, что все вернулись живыми, хотя ранения и контузии у некоторых были.

В январе 1981 года мне сообщили, что мой рапорт удовлетворен и я включен в списки для службы в ДРА.

Весна прошла на одном дыхании: отпуск, сдал роту, обмыл с сослуживцами отъезд, обговорил все вопросы с женой. Накануне, как по заказу, бывший сержант роты прислал из Темрюка пол-литровую банку черной икры и балык, что называется, оказал ротному уважение. Я купил хороший кизлярский коньяк, и мы, уложив полуторагодовалую любимую доченьку

спать, полночи обсуждали дальнейшую семейную несовместную жизнь. Всех подробностей того разговора уже не помню, но вопроса, как семье жить при возможной потере кормильца, мне пришлось коснуться.

Запомнилась суета со сбором чемодана, в списке обязательных вещей было очень много совершенно ненужных, как потом оказалось, образцов военной формы, например, весь комплект парадной формы, в том числе парадная шинель. Тот, кто составлял этот перечень в вышестоящем штабе, наверное, решил перестраховаться, ему же эти чемоданы не таскать по ТуркВО и ДРА. А брать на себя инициативу и спрашивать у начальников – себе дороже, инициатива в армии наказуема. Забегая вперед, скажу: ничего мне из этого чемодана не понадобилось, кроме полевой формы в первые три дня.

Может быть, для кого-то это и мелочь, но за год войны в верхних штабах не могли проанализировать, что нужно офицеру для службы в Афганистане, чтобы самые необходимые вещи, такие как кроссовки или кеды, носки, трусы и тельняшки, ботинки с высокими берцами, спортивная одежда, детский крем, можно было подобрать в Союзе, по размеру, а не искать и покупать в Афгане на складах у прапорщиков и в дуканах, куда они же ее и продавали. Обувь больше 43-го размера была вообще большой редкостью и самого плохого качества, ноги офицеры и прапорщики портили и сбивали, наработывая «шишки» за первый же месяц. Ну а парадная форма, которая была обязательной для каждого офицера и прапорщика в Союзе и надевалась для представления в ней всем начальникам, в Афганистане была бесполезна или просто неуместна в боевой обстановке. Правда, когда спросили одного из начальников, зачем же тогда она там нужна и нельзя ли ее отменить, он, «подумав», резонно ответил, что отменить нельзя, так как, может, представляться в Афгане в парадной форме действительно неуместно, но хоронить погибших надо именно в ней, чтобы герой выглядел торжественно. Этой глупости возразить нечего, он просто не знал, как это делалось в действительности. Но об этом я расскажу позже.

Весной 1981 года шла масштабная ротация – заменялись первые вошедшие в ДРА. Из гарнизона нас было три офицера. Мы уезжали в Ростов-на-Дону на автобусе с автовокзала. Пришли проводить родственники, было немало народу, кто-то плакал, окружающие удивлялись и интересовались, кого провожают. Но Афганистан к этому времени еще не вошел в жизнь страны как район боевых действий, и «груз 200» был, к счастью, редким. Утром следующего дня добрались до штаба СКВО, из округа же собралось офицеров человек 12–15, с нами провели недолгую напутственную беседу и отвезли в аэропорт на самолет до Ташкента. В Ташкенте к вечеру уже были на пересыльном пункте, куда нас, встретив в аэропорту, перевезли на автобусе представители штаба ТуркВО. На пересылке оформили прибытие, поставили в очередь на рейс в Кабул и сделали по четыре укола в каждое плечо и под лопатки – прививки от чего-то. Все это было очень быстро, потоком.

Мы устроились в одном из двух одноэтажных барачков, где стояли солдатские двухъярусные железные койки. Были ватные матрацы и такие же ватные подушки, постельное белье, естественно, не предусматривалось.

Все было организовано так, чтобы принять, оформить и в течение 12–14 часов, посадив на борт, отправить в Кабул. Но, как известно, жизнь очень часто вносит свои коррективы. Рейсы были не каждый день, по разным причинам, в основном погодным. Как говорили в Кабуле, ветер афганец, и это, как правило, на два-три дня. Организацию питания я тоже не помню, питались кто как мог и хотел, магазины были недалеко. Уверен, все, как и я, на недостатки бытовых условий не обращали внимания, была одна цель – Афган и мечта как можно быстрее, получив назначение в Кабуле, попасть в свою часть. Хотя был вечер, но жара в Ташкенте еще стояла, и с непривычки было душно и потливо. На пересылке кроме нас, сменщиков, которых набралось не меньше сотни, были и те офицеры и прапорщики, которые служили в Афганистане и возвращались в свои части после ранений или болезни (гепатит, малярия,

лихорадка или брюшной тиф). В пяти-шести местах в казарме возникли группы: пьющие, закусывавшие и внимательно слушавшие рассказы о жизни и ужасах Афганистана. Рассказы были очень красочными, в зависимости от количества выпитого. Все воспринимали по виду серьезно, сочувственно, но верили мало, слишком ужасно и неправдоподобно было услышанное. Я и представить себе не мог, что еще в конце мая столкнусь с явью, намного превосходившей все рассказы на пересылке.

Наутро был самолет, десантный Ил-76. Посадили всех, кто мог передвигаться своими ногами, но двух-трех с рейса сняли, так как их пьяное состояние не позволяло им принимать участие в выполнении интернационального долга. Взлет, минут двадцать-тридцать полета, и по внутреннему бортовому радио командир корабля объявил: «Мы пересекаем воздушную границу Советского Союза и Демократической Республики Афганистан». Начался мой Афган.

Глава 3

Начало

Самолет летел на высоте 7000–8000 метров, внизу, все в снегах, были горы Гиндукуша. Горы я полюбил еще служа на Северном Кавказе, у нас и направленность боевой подготовки была горная: стреляли и водили боевые машины на горном полигоне. Но наши горы были красивого серо-медного цвета, и только вдали в хорошую погоду была видна снежная шапка Казбека. А здесь, внизу, под крылом самолета, были величавые и чужие снежные вершины.

На аэродром в Кабуле самолет садился без привычного гражданского круга, а сразу резко терял высоту, как объяснили, чтобы уменьшить вероятность и эффективность обстрела.

Пересыльный пункт располагался рядом, можно сказать, прямо на аэродроме и представлял собой ряды брезентовых больших палаток без пола. Внутри стояли такие же, как и в Ташкенте, двухъярусные солдатские койки, на некоторых лежали матрацы.

Повторяю, на меня и на моих попутчиков эта бытовая неустроенность не производила тягостного впечатления. Все советские офицеры к бытовой неустроенности привыкли, а здесь тем более – понимали, что это ненадолго, и стремились к одному: получить назначение и прибыть к своему месту службы.

Офицеры отдела кадров армии работали в такой же палатке, только в ней стояли столы и табуретки. С непостоянной периодичностью вызывали по званию и фамилии или только по фамилии офицеров и прапорщиков. Выходили из кадров, уже получив назначение к местам службы.

На пересылке были и женщины, как военнослужащие, так и вольнонаемные, для них были определены отдельные палатки, по-моему, с такими же условиями.

Получив назначение, искали свои самолеты или вертолеты – зависело от того, кому и как далеко предстояло лететь. Как и сколько я провел на пересылке, получая назначение и разыскивая свой борт, я не очень хорошо помню, наверное, суток двое-трое; запомнилась жара, постоянное хождение к баку с водой, отчего было еще тяжелее, а форма становилась мокрой от пота. Получившие назначение пытались выяснить у кого придется, где это место находится, какие условия службы.

Наконец вызвали и меня. Офицер-кадровик, уточнив биографические данные, места службы и должности, направил меня с сопровождающим сержантом в другую палатку, где со мной беседовали офицеры военной контрразведки, а потом и Главного разведывательного управления (ГРУ). Цель этих бесед сводилась к предложению командовать подразделением, находящимся в особых условиях ведения боевых действий. Я дал согласие. Подробнее об этом я расскажу в другой главе, посвященной спецотряду «Каскад». Главным итогом дня было назначение на должность в определенную дивизию и полк.

Наконец-то я на борту самолета Ан-26, летящего к месту назначения, со мной около 18 человек, в том числе и военные афганской армии, наши советники, две женщины, офицеры и солдаты, возвращающиеся из госпиталей. Еще раз набирая высоту выше 6000 метров, пролетаем над Гиндукушем, но сейчас горы ближе и кажется, что вот-вот заденем крылом за горную вершину.

Посадка была такая же стремительная, с резким пикированием и выравниванием самолета у самой земли – чувствовалась высокая профессиональная подготовка летчиков. Мне сказали, что налет часов здесь больше, чем в Союзе, в три-четыре раза, да и условия пилотирования тяжелее.

Аэродром находился в долине, с двух сторон, с юга и востока, вдалеке были видны горы. Управление дивизии и полк располагались у аэродрома, прямо у взлетной полосы, и пришлось

со своим огромным чемоданом пройти метров 500. Время было послеобеденное, жара, палящее солнце и духота. Никаких заборов и ограждений, закончилась взлетная полоса, и видны ряды палаток и два фанерных одноэтажных модуля – это полк, восточнее в 100 метрах еще несколько модулей – это штаб дивизии и отдельные батальоны.

Символично и удивительно, но первым встретившимся мне в полку человеком оказался мой однокашник и друг, ровно год назад бывший в отпуске по ранению и рассказавший некоторые эпизоды службы в Афганистане. Он работал в штабе, поэтому жил в модуле, в небольшой, метров четырнадцать, комнате на трех человек. Он меня устроил у себя, и мне очень повезло, я у него выпил весь запас воды. Он к моим страданиям относился понимающе и снисходительно, по опыту зная, что помочь ничем нельзя, нужно только время, около месяца, на акклиматизацию и стараться, по возможности, с каждым днем пить все меньше и меньше.

Пришло время ужина. Столовая для офицеров и прапорщиков находилась в отдельной палатке, на ужин было картофельное пюре из сухого картофеля, похожего на манную кашу, а по вкусу не похожего на картофель, с красной рыбой, то есть из консервной банки – ставрида в томатном соусе. В палатке было и жарко, и душно – долго не засидишься, самое вкусное и желанное – теплый чай.

Вечером собрались компанией отпраздновать прибытие, я достал привезенную бутылку водки из двух разрешенных (хотя их количество никто и нигде не проверял). Но сам пить не смог. Хотя был вечер и за окном темно, но мне казалось, что температура ниже не стала.

Разговор затянулся за полночь, я рассказывал про Союз, расспрашивал про Афганистан, но все приговаривали «да не спеши, все сам увидишь». Узнав, куда и кому на замену я прибыл, выказывали сочувствие. Около 23 часов вышли из модуля, ночь была темной, небо ночное и звездное, а вдаль были видны всполохи огня и, мне казалось, даже слышны взрывы. Друг сказал: «Вот твой полигон шумит, и так каждую ночь, а то и сами приезжают, убитых и раненых привозят».

Все было не очень понятно, а объяснять никто особенно и не хотел, знали – не поймет, пока сам не увидит и не испытает на своей шкуре. Эту истину я осознал позже, обнаружив, как почти невозможно объяснить и рассказать там не побывавшим что-то о жизни в Афгане. Зато «афганцы» всегда понимали друг друга с полуслова, а то и без них. Хотя у каждого был свой Афган, но общее находилось всегда.

На следующий день меня по очереди вызывали и со мной беседовали все начальники, начиная с командира полка, поставили на все виды довольствия. На складе РАВ (ракетно-артиллерийского вооружения) получил и расписался за автомат 5,45-мм АК-74, без штык-ножа, как сказали, бесполезного для офицера, и пистолет ПМ, тоже нужный только для того, чтобы застрелиться. Патроны и гранаты не выдали, сказали, что в подразделении их достаточно, а на первое время возьму у сослуживцев. Так и оказалось. Мой друг с удовольствием достал из-под койки две «эфки» (оборонительные гранаты Ф-1, их зовут еще «лимонки») и четыре магазина, скрепленные изолентой по два, а также самодельный нож-бебут, обоюдоострый, в кожаных ножнах. По примете расплатился я с ним за холодное оружие им же подаренными несколькими мелкими афгани. На вещевое довольствие поставили, но ничего не дали, кроме хлопчатобумажной панамы и солнцезащитных очков. Специальная летняя полевая форма на склады еще не поступила, поэтому офицеры и прапорщики на построения ходили в полевой форме установленного для Союза образца, а на боевые действия и в повседневной жизни – кто что достал. Парадная форма, как и ожидалось, так и осталась в чемодане и со временем вместе с ним куда-то и сгинула.

А к моему другу в этот день прилетел сменщик, его война, к счастью, закончилась. Забегая вперед, скажу, что наша дружба продолжалась, встречались в академии, отпусках, на учениях, работали вместе на «гражданке», уволившись из армии. К огромному сожалению, он

умер на операционном столе, во время операции на сердце, умер в пятьдесят шесть лет – сердце не выдержало, наверняка на нем были шрамы и от Афганистана.

Мое знакомство со страной продолжалось. У дивизии была зона, у полка – полоса, у батальона – участок ответственности. В пункте постоянной дислокации (ППД) находился один батальон, управление и штаб полка, отдельные роты. Батальон, расположенный в ППД, назывался оперативным. На него возлагались задачи ежедневного реагирования на обстановку, для этого выделялись силы от взвода до роты. Примерно раз в месяц батальон действовал в полном составе совместно с саперами, связистами и при поддержке артиллерии. Артиллерийский дивизион находился в охране вокруг расположения полка побатарейно и повзводно. Также в охране стояли и подразделения зенитчиков, прикрывавшие как полк, так и аэродром.

Два других батальона повзводно, а где и ротами располагались вдоль основных дорог, по которым шло снабжение войск. У нас один батальон прикрывал маршрут на восток, один – на юг. В городе, центре провинции и зоны, стояла рота, которой мне предстояло командовать.

Танковый батальон ротами и взводами усиливал мотострелков. Основной задачей был контроль за обстановкой вокруг поста и участка дороги. Действия охраны должны были быть надежными, активными и эффективными. Через неопределенное время батальоны менялись, это делалось не по графику, а в зависимости от эффективности выполнения задач и от командования батальонов, то есть какие командиры больше подходили для выполнения тех или иных заданий. Конечно, еще это зависело от офицеров, их подготовки, готовности и умения эффективно действовать в той или иной обстановке, ну и офицерского коллектива, сплоченности и взаимопонимания между командирами и подчиненными. Так что смена батальонов всегда была болезненна и непредсказуема по своему конечному результату.

Глава 4

Город. Рота

За мной пришли две боевые машины пехоты (БМП) из города, где стояла рота. Приехал командир роты, которого я сменял, и мы выехали в расположение. Из полка в город вели две дороги: главная и верхняя. Расстояние до города было около 20 километров. По какой дороге ехать, зависело от многих обстоятельств. В основном использовалась главная дорога, некогда асфальтированная, но с большими выбоинами, ямами и колдобинами – все оттого, что по ней довольно часто проходила гусеничная техника, да и ремонта не было с мирного времени. Мне еще в полку рассказывали, что обе дороги довольно опасны: главная – тем, что в ямах между асфальтом ставили мины; верхнюю почти не минировали, но мест для засад «духов» было больше, к тому же она проходила через не контролируемый нами район города, где часто подвергалась обстрелу. По времени дорога заняла где-то около часа, и мы въехали в расположение роты.

Я хочу более подробно рассказать о расположении и условиях жизни подразделений, на которые возлагались задачи охраны и обороны городов. В штабе армии мне пояснили, что в таких условиях и с такими задачами существует не более четырех подразделений во всем Афганистане. Рота была поставлена в город через месяц после ввода войск. Место расположения было определено на юго-западной окраине города, в летней резиденции брата Амина. У самого края обрыва стоял двухэтажный дом примерно 25 на 12 метров, перед домом располагался парк с аллеей, бассейн без воды, две-три небольшие хозяйственные постройки, с юга и севера овраги, за оврагом с юга – кладбище, за оврагом с севера – жилые постройки города, дувалы и завод «Спинзар» («Белое золото») по обработке хлопка. От комендатуры, а рота выполняла и некоторые комендантские функции, до центра города 1–1,2 километра.

Город являлся центром провинции, имел радиально-кольцевое строение. Центром была площадь, так называемый круг, от него шли дороги – на север в Союз, на юг, как я уже говорил, две дороги к аэродрому, полку и далее – на Баглан и Саланг. Сразу за окраиной города от главной отходила дорога на запад на Даври-Рабат и Таш-Курган, Мазари-Шариф. На восток дорога вела на Ханабад, Тулукан и Файзабад. Это направление контролировал наш батальон, а дорога называлась «дорогой смерти» из-за постоянного минирования и засад.

Важными объектами в городе являлись гостиница «Спинзар» и хлопкозавод, построенные еще англичанами в конце девятнадцатого века. В гостинице находились наши партийные и военные советники, советники ХАДа (афганского КГБ), должностные лица партийного комитета НДПА провинции и северо-восточной зоны.

Второй по значимости, а может быть, и первый, это как судить, был завод по приему и переработке хлопка. Хлопок шел в Союз, это было стратегическое сырье, и колонны с хлопком были объектом очень пристального внимания и наблюдения. Формирование и отправление колонн держалось в строгом секрете. Точное время отправления колонн от хлопкового завода, как правило, знали только три человека: директор завода, уполномоченный ЦК НДПА по северо-востоку и командир роты, так как охрана колонн возлагалась распоряжением командира дивизии на него (то есть уже на меня). Остальными объектами были: зернохранилище, тюрьма, электростанция, казармы батальона Царандоя (внутренних войск) и сама комендатура. Позже, с июля, когда прибыла группа «Каскад», вилла, где она дислоцировалась, также вызывала интерес у душманов. Расположение роты было обнесено оградением из колючей проволоки, на опасных участках были поставлены сигнальные и противопехотные мины. Солдаты жили в палатках в естественном овраге, так что огонь из стрелкового оружия был не опасен. Офицеры и прапорщики обитали в двух комнатах на втором этаже здания. На первом этаже

располагалось караульное помещение и дежурная часть, где круглосуточно находились связисты. Дежурный и начальник караула назначались из офицеров.

Контакт с дивизией и полком поддерживался по засекреченной автоматической связи (ЗАС), для этого роте был придан экипаж БТР-50ПУМ. Связь с экипажами БМП роты и приданных мотострелковых и танковых взводов осуществлялась по Р-123. Телефонная связь с афганским руководством и аппаратом наших советников была налажена как с использованием прямых номеров, так и через телефонную станцию. Нашу частоту 300 и позывной «Береза» знали все, кто находился в городе или каким-то образом проезжал через него, так как быстрая помощь могла прийти только от нас.

Описание распорядка жизни подразделения лучше всего начинать не с утра, а с 18 часов. Именно в это время командир роты проводил развод на боевое дежурство. Участвовал весь личный состав роты и приданные подразделения, так как одновременно с назначением караула и экипажей БМП, уходящих на боевое дежурство в город, проходил боевой расчет роты на занятие круговой обороны в оборудованных окопах и траншеях и действия оперативной группы, создаваемой из оставшихся боевых машин. Каждый военнослужащий, находившийся в пункте постоянной дислокации, начиная от командира роты, имел свое место по боевому расчету и сектор для стрельбы. Этому придавалось такое огромное значение, потому что было условием выживания, так как, без преувеличения, за восемь месяцев моего нахождения в городе не было ни одной ночи без обстрела экипажей БМП на постах, комендатуры или более серьезного нападения на расположение роты.

Для выполнения боевых задач в городе роте были приданы: два танковых взвода, мотострелковый взвод на БТР, предназначенный непосредственно для охраны советников, минометный взвод, отделение связистов с прапорщиком во главе для обеспечения связи с дивизией, отделение саперов для разминирования и постановки минных заграждений и водители специальных машин тылового обеспечения (ПАК – кухня, топливозаправщик и ЗИЛ для подвоза боеприпасов). Учитывая, что рота состояла из управления и четырех взводов (четвертый – пулеметный) и имела в своем составе 12 БМП, вся группа насчитывала более 200 человек и около 50 единиц техники.

В 18.30 восемь БМП выходили в город на боевое дежурство и становились на охрану важных объектов – где по одной, где по две машины. В расположении оставалась так называемая оперативная группа, готовая за три минуты выйти на помощь в любую точку города.

После 20 часов в город входили душманы и нападением на объекты отрабатывали свои деньги. Сценариев нападения было несколько десятков, например: нападение и обстрел из стрелкового оружия на один объект или на несколько, блокировка объекта с обстрелом из гранатометов боевой техники, создание тяжелой ситуации, когда был необходим выход оперативной группы, и нападение на нее с минированием дороги и обстрелом из гранатометов и другие. В общем, многие ночи были бессонными, иногда по боевой тревоге рота сидела в траншеях до утра, так было надежнее и безопаснее.

С рассветом душманы уходили, и мы снимали к 6 утра личный состав с боевого дежурства. После завтрака в 8 утра я проводил развод и ставил задачи на день. Какие-то экипажи отсыпались, другие выходили на дежурство в город в район круга, контролируя прохождение колонн с боевым охранением и задерживая одиночные машины без охранения, попавшие в город по разным причинам. Также по приказам командиров полка или дивизии взводы использовались для решения оперативных задач по отдельности или входя в состав какой-нибудь группы.

Одним из сложных моментов командования ротой было как бы двойное подчинение – и командиру полка, и командиру дивизии, при этом командование батальона из этого списка было исключено, прежде всего из-за особенностей выполнения задач. В примерный перечень задач входило следующее:

- охрана и оборона города и его важных объектов;
- оборона пункта расположения роты и приданных подразделений;
- комендантская служба и патрулирование города на боевых и легковых машинах с целью контроля прохождения колонн советских воинских частей, техники, тылового обеспечения и афганских подразделений;
- оказание боевой и огневой поддержки колоннам при нападении на них душманов;
- задержание отдельных или нескольких машин с движением вне колонн или отставших от колонн;
- задержание военнослужащих в городе, так как они были объектом особого внимания и наблюдения врага;
- сопровождение машин с хлопком до границы СССР;
- ведение боевых действий в городе и других районах северо-востока Афганистана;
- сопровождение и охрана командиров дивизии и полка на совместные совещания с аппаратом советников и представителями руководства НДПА;
- сопровождение и охрана воинских колонн различного назначения или обеспечение охраны маршрута заставами, постами и отдельными боевыми машинами;
- реализация разведывательных данных, поступающих от разных источников (военных советников, советников ХАДа, Царандоя, групп «Каскад», «Кобальт», ГРУ ГШ, командования полка и дивизии с записью в журнал боевых действий);
- совместные действия с группами «Каскад», «Кобальт», подразделениями Царандоя и афганской армии, разведротами полка и дивизии;
- обеспечение боевых действий подразделений полка и дивизии, как бронегруппой, так и в пешем порядке;
- участие в десантных тактических операциях;
- участие в перехватах караванов с оружием и боеприпасами;
- участие в выполнении задач особой важности.

В общем, недостатка участия в различных боевых действиях не было, причем круглосуточно.

Командир дивизии, исходя из положения роты, решил создать на основе штатного подразделения полка внештатный сводный отряд особого назначения (СООН). Отряд должен был иметь возможность действовать самостоятельно, в отрыве от основных сил, и решать большой комплекс задач. Отдельные отряды спецназа ГРУ ГШ на территории Афганистана начали массово действовать с 1984 года. Они забрали себе часть специфических задач, которые до них приходилось выполнять разведывательным, десантным, десантно-штурмовым и мотострелковым подразделениям. Идею сводного отряда командир дивизии согласовал с командиром полка, в штате которого находилась рота, и, конечно, не мог получить иного ответа, кроме положительного. Насколько я знаю, он решил выступить инициатором создания таких отрядов, доложив свои соображения командарму. Первоначально он получил ответ типа: «Ваша дивизия, ваша зона ответственности, задачи знаете, выполняйте их эффективно любыми дозволенными способами». Так, в середине июня 1981 года комдив совместно с командиром полка, ставя задачу, сказал: «Армия не против, но все ложится на нас, будем создавать своим решением, своими силами, а по поводу закрепления и выделения вертолетов и оборудования вертолетной площадки в городе с Кабулом договорится начальник штаба».

Но обстановка в Афганистане менялась иногда мгновенно и непредсказуемо. В последних числах июня начальника штаба дивизии с кандидатом на должность командира сводного отряда вызвали в Кабул, причем озвучили мою фамилию. Летели на Ан-26, прибыли в штаб и попали на совещание, проводимое начальником штаба армии. Также от армии присутствовали начальник разведки, начальник оперативного отдела, особист и представитель КГБ, как позже я узнал, руководитель действиями всех отрядов «Каскад» на территории ДРА, полков-

ник, позже ставший генералом. Все скоро прояснилось, в Москве были приняты окончательные сроки и уточнены места расположения групп «Каскад», и идея нашего комдива получила быстрое распространение, но уже как идея армии. Было принято решение о создании сводных отрядов в трех дивизиях и двух отдельных полках – всего пять – для решения задач особого назначения, в том числе организации совместной работы, взаимодействия, реализации разведывательных данных и обеспечения действий отрядов и оперативно-боевых групп (ОБГ) спецназа КГБ СССР «Каскад». В зонах ответственности других соединений и частей эта работа была поручена командованию отдельных мотострелковых и десантно-штурмовых бригад.

Глава 5

Тихоныч

Во времена Советского Союза во всех организациях над любой структурой верховенствовала партия. Так было и в Афганистане. Наш старший партийный советник был советником уполномоченного ЦК НДПА – одного из восьми заместителей или, как бы сейчас назвали, «полномочных представителей» Бабрака Кармаля. Он фактически руководил работой всего советского аппарата советников северо-восточной зоны, а также и представителей КГБ и МВД. Не подчинялась партсоветнику только армия, но авторитет Тихоныча, как называли его офицеры, был настолько велик, что к нему прислушивались все и всегда. Ни один военный совет не проходил без участия, а точнее, без фактического руководства старшего партийного советника, ни одного решения не принималось без согласования с ним. Этот человек наиболее полно и глубоко владел ситуацией в стране, прекрасно разбирался в особенностях афганского государственного и общественного устройства. Именно он был тем человеком, с которым у меня состоялась обстоятельная беседа о моей будущей службе в первый день прибытия в город. Он сразу познакомил меня с представителями местной власти, с нашими советниками и специалистами. Всё и всех расставил по своим местам. До сентября, когда истек срок его командировки, у меня не возникало особых проблем во взаимодействии ни с местными властями, ни с нашим советническим аппаратом. Тихоныч всегда был готов в любое время, когда бы я к нему ни обращался, дать исчерпывающий ответ на вопрос и предложить дельный совет. К нашей роте он относился очень хорошо, воспринимая ее как почти единственную реальную военную силу, и всегда подчеркивал в разговорах и с советниками, и с афганцами, что в каждодневных боевых действиях участвуем в основном только мы. В роту он приезжал практически ежедневно, беседовал с офицерами, солдатами, интересовался всеми вопросами быта и жизни, ну и, конечно, не отказывался помыться в нашей самодельной бане и искупаться в бассейне, воду в который почти неделю наливали пожарными машинами. Бывали и застолья, но очень редко, выпивал он немного и не был человеком, который свои проблемы решает с рюмкой. В общем, через самое короткое время, а на войне все решается и оценивается в разы быстрее, у нас сложились настоящие дружеские отношения. Он был старше меня лет на пятнадцать и относился, как старший брат. Поощрял и содействовал становлению хороших отношений с руководством «Каскада» и «Кобальта», другими военными и партийными советниками, справедливо считая их основой успеха в решении любых проблем и задач, которых всегда хватало.

Я, в определенной мере отвечая за его жизнь, договорился с ним, что любые поездки за пределы города, а при определенных обстоятельствах и в городе, он согласовывает со мной, а я обеспечиваю необходимую охрану. Несколько раз мы вместе участвовали в переговорах с представителями оппозиции. Мне нравилось, как он вел деловые разговоры, без давления на собеседников, без унижения или превосходства, корректно, но твердо отстаивал интересы афганского руководства. Интересно, что оппозиция ему доверяла как никому из переговорщиков и представителей законной афганской власти. Обеспечивая безопасность и охрану этих встреч, отмечал уважение к Тихонычу как охраны моджахедов, так и их хозяев.

Еще одна нелегкая задача, которая лежала на мне, – это поддержание, а иногда и восстановление нормальных отношений между командованием дивизии и аппаратом советников всех направлений. В Советском Союзе армией, как и всем остальным, командовала КПСС. Ее боевой отряд КГБ и его следователи по особо важным делам всегда были ужасом для военного командования. На войне приоритеты менялись, но изменить менталитет следователя, полковника КГБ, а в Афганистане советника ХАДа могли только время, обстановка и чувство опасности. Результаты противостояния силовых структур испытал на собственной шкуре. Кому

только не хотелось покомандовать, поруководить, а лучше «приручить» нахального командира-«капитанюгу». Первые недели в городе я чувствовал себя комфортнее на боевых выездах, чем среди некоторых советников-хадовцев. Не знаю отчего, но дерьма среди них было достаточно, вероятно, следовательская деятельность и особое положение в мирных условиях наложили на характер многих такой отпечаток, что даже война не могла быстро их изменить. В трудных ситуациях в отношениях с хадовцами обращался за помощью и советом к Тихонычу. Он меня в обиду не давал. Ну а с сентября, когда он уехал, я уже сам мог обидеть кого хочешь.

Встречи командования, командира дивизии и советников всегда проходили у нас в комендатуре. На втором этаже виллы был большой зал, видимо, и предназначенный в мирное время для встреч за столом. Мебель и само помещение даже сохранили некоторый лоск былых времен. Самое главное, комдив чувствовал себя здесь хозяином, а все присутствующие ощущали себя в безопасности. Я был, пожалуй, рад, что в результате таких встреч отношения комдива и Тихоныча от чисто деловых, служебных переходили в более доверительные и отражали взаимные симпатии. Иногда могло складываться впечатление, что Тихоныч был жестким и властным человеком. Возможно, так оно и было, но при этом он оставался всегда деликатным и интеллигентным в обращении. Время, когда жизнь в городе проходила под руководством Тихоныча, все вспоминали как самое лучшее. Он всегда контролировал ситуацию, успевал разобраться в любой проблеме, все расставить по своим местам, действия всех наших структур при нем были слаженны и согласованны. После его отъезда такого уже не было. Личные дружеские отношения и определенные обязательства, связанные с ними, не всегда служили хорошую службу. Несколько раз мне приходилось рисковать и своей жизнью, и жизнями своих подчиненных, выполняя некоторые не распоряжения, а просьбы Тихоныча. В них никогда не было ничего личного, персонального и самодельного. В какой-то мере его обращения ко мне всегда были обоснованы, да и к кому еще обращаться, если не к командиру подразделения, предназначенного, в числе прочих обязанностей, для охраны города, советских специалистов и советников. Однажды пришлось лично обезоруживать офицера КГБ, который оказался несколько не в себе от психологических перегрузок и у него, как говорят, «поехала крыша». Два раза выполнял довольно щекотливое поручение, освобождая ночью из тюрьмы нескольких моджахедов с целью обмена на афганцев, находившихся в плену у оппозиции. Однажды участвовал и в самом процессе такого обмена – это государственно-партийные игры, где я, как в шахматах, был простым «офицером». Помнится еще один случай, но даже сейчас, почти через сорок лет, я не рискну о нем рассказывать, тайна не моя, государственная.

Тихонычу доверяли выполнение важных государственных задач. После отъезда в Москве в восьмидесятые годы он занимал высокие ответственные должности. Приведу пример его отношения к близким людям. На любой войне все живут воспоминаниями о мирной жизни и мечтами о будущем, желанием потом обязательно встретиться, познакомиться с семьями друзей. Но одно дело – поговорить, помечтать, другое – выполнить обещание. Многие, вернувшись домой в мирный размеренный быт, если и не забывали мечты и обещания, то просто не находили время и откладывали на потом. Многие, но не Тихоныч. Спустя год, когда я приехал в отпуск, мама рассказала, что однажды к дому подъехала черная «Волга». Вышел солидный мужчина и спрашивает: «Вы мама такого-то?» Мать испугалась сначала: может, случилось что. А он говорит: «Привет Вам от сына, у него все в порядке. Поедьте с нами в ресторан». А в машине сидели жена командира «Каскада» и жена самого Тихоныча. Вот так познакомились, он свозил их в ресторан, потом тоже звонил, поддерживал связь всегда. Наши хорошие отношения с Тихонычем продолжались и после Афгана, не часто, но встречались. Приглашал меня с супругой в гости к себе. Много вспоминали при встречах, хотя при женах не могли обо всем говорить.

Когда оканчивал академию, планировалась служба в Германии в Группе советских войск. А я хотел на Дальний Восток, рассказывали, что и боевая подготовка там лучше, и условия

интереснее. Решил обратиться за советом и помощью к Тихонычу, раз в академии от моих пожеланий отмахнулись. Он выслушал, понял меня, одобрил, ведь я же не просился на курорт или остаться в Москве. Дня через три он позвонил: «Приходи, если сможешь, ко мне на работу, все расскажу и с интересными людьми познакомлю». Я пришел к назначенному времени, получил пропуск, поднялся на лифте в здание у Дома правительства и вошел в приемную. В приемной сидели одни генералы. Я немного растерялся, но тут вышел Тихоныч, обнял и сказал: «Вот познакомьтесь, мой товарищ по Афганистану, майор, выпускник военной академии, хочет поменять направление в Германию на Дальний Восток, воспользовавшись знакомством и дружбой». Приемная вздрогнула от взрыва смеха. Помощник Тихоныча открыл дверь напротив кабинета, где был небольшой зал с накрытым человеком на десять столом. Когда сели за стол, Тихоныч, смеясь, начал в лицах рассказывать, как он пытался выполнить мою просьбу о Дальнем Востоке. Будучи человеком сугубо штатским, он воспринял мою просьбу как трудновыполнимую, но сразу начал действовать и обратился к своему знакомому маршалу – заместителю министра обороны. Тот тоже сначала не понял, долго переспрашивал и уточнял, не понимая сути просьбы, настолько странной она показалась. А когда понял, рассмеялся и сказал: «Вполне представляю толпу офицеров, назначенных на Дальний Восток и вдруг поимевших счастливую возможность послужить в Германии, а вот чтобы наоборот – представить трудно». Потом добавил: «Тихоныч, я даже стесняюсь такую задачу ставить начальнику Главного управления кадров. Не поймут ведь, скажут меж собой: „Совсем свихнулся старый дурак, перепутал, небось, все“». Выпили коньяку. Тихоныч сказал про меня, что именно это офицер участвовал в охране совещания в городе, в Афгане, в 1981 году. Не думаю, что маршал меня помнил, столько встреч, совещаний и переговоров у него было. Его я также встречал на старом стадионе, когда он прилетал в город, а затем охранял во время переговоров с верхушкой оппозиционных партий. Это были первые переговоры такого масштаба. Присутствовали афганские оппозиционеры, имена их были постоянно на слуху, они слыли «непримиримыми». Те переговоры держались в секрете еще лет десять, в первую очередь от США, по просьбе афганских главарей. Не хотели потерять деньги и имидж «борцов за свободу Афганистана». В конечном итоге стараниями Тихоныча просьбу мою удовлетворили. После, прилетая в отпуск с Дальнего Востока, звонил ему, встречались по возможности, либо вдвоем, либо с кем-нибудь из каскадеровцев.

События в стране 1991 и 1993 годов наложили отпечаток на многие судьбы, коснулись они и Тихоныча. Ельцина он не поддерживал, с должности его «ушли», отправив на пенсию. Моя жизнь тоже крутилась в разные стороны. Связь с ним оборвалась. Ни телефона, ни адреса Тихоныча у меня не было, не нашел, да честно признаться, не приложил всех возможностей разыскать его. Когда вспоминаю, очень жалею, что наша дружба не продолжается. Время летело. Попытки поиска делал, но не основательные, почему-то и «каскадеры» не смогли найти его. Сейчас, вспоминая Тихоныча, твердо говорю себе: «Надо найти, надо встретиться». Но появился новый синдром – «страха потери». Он заключается в том, что, пока нет точных сведений о ком-то, уверен, что этот человек, твой друг, жив, просто живет где-то обособленно, может, просто хочет покоя. Главное, ты уверен и убеждаешь себя, что он жив, и думаешь о нем так. А начнешь сейчас искать и... не дай Бог, найдешь не то, что искал. Время для поисков упущено. Вот поэтому я хочу вспоминать нашего живого Тихоныча таким, каким он был: честным человеком, принципиальным членом партии, гражданином и патриотом своей страны, незаурядным руководителем, умным советником и хорошим, преданным другом.

Заканчивая главу, решил продолжать, расставляя главы по определенной тематике, но хронологию событий по возможности соблюдая. Итак, первое и самое главное. Люди с обеих сторон. Но сначала о своих, о «шурави».

Глава 6 «Шурави»

Про офицеров и прапорщиков уже было сказано немало. От командира роты и выше – члены КПСС, сознательность, воинская честь, партийный долг, патриотизм и готовность выполнить любую задачу, защищая южные рубежи нашей Родины. Лозунг «Защита южных рубежей нашей Родины» для Афганистана существовал где-то до 1982 года, затем его сменил другой – «Выполнение интернационального долга», который вместе с воззванием «Защитим интересы второго этапа Апрельской революции» просуществовал вплоть до 1989-го, до вывода войск. Название Демократической Республики Афганистан (ДРА) тоже менялось на Республику Афганистан (РА).

Офицеры и прапорщики действующей 40-й армии служили по два года, если к концу срока предлагали очередную должность, то служба могла продлиться до двух с половиной лет. Максимальный срок единовременного пребывания составлял около трех лет. Количество «заходов» не ограничивалось, например, генерал Громов Б.В. был в Афганистане три раза. После 1985 года второй срок даже поощрялся, особенно после окончания военной академии, так как считалось, что побывавший на войне офицер не будет повторять ошибок первого срока службы, более опытен, адаптирован к обстановке и климату, а значит, и пользы принесет больше. Во многом я с этим согласен, но это уже личный выбор каждого, думаю, что здесь на решение оказывали влияние больше личные обстоятельства, чем возможность еще раз помочь афганскому народу увидеть счастливое будущее. Когда же кадровики предлагали второй раз посетить Афган, в душе боролись два чувства. Первое: нежелание опять жить без семьи, адаптироваться к особенностям климата, в основном жаре, и болезням и, в меньшей степени, мысли о возможной гибели. Второе: желание еще раз испытать неповторимое чувство дружбы и близости между людьми в опасной и трудной обстановке, пережить характерные только для боя отношения между начальником и подчиненными, когда все проще, человечнее, без страха наказания и унижения, какое-то особое взаимопонимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.